

Корреспондент «Голоса» беседует с Вахтангом КИКАБИДЗЕ.

Вахтанг Константинович остановился в гостинице посольства Грузии. И надеется прожить в Москве довольно долго.

— **Предстоят гастроли?**
— Пока что надо договориться. Последний раз я работал в Москве год назад. В Москве, увы, выступают теперь реже, чем за границей. Проблема не в политике — в экономике. Сто пятьдесят долларов стоит авиабилет Тбилиси — Москва. Проще слетать в Америку. Правда, последние американские гастроли я сорвал: погиб журналист Михаил Нодия, у которого была моя виза. Не мог тогда даже думать об этой поездке. Как вспомню Мишу... Так больно становится!

— **Когда-то вы мне говорили, что ваши песни «смысловые». Есть такой термин у эстрадных певцов, подразумевающий настоящую поэзию в песнях. Ваше амплу не изменилось?**
— Не-е-т! Певец не должен изменять своему сценическому образу и своей манере исполнения. Всегда стараюсь петь то, что мне нравится и как мне нравится. Приходят на мои концерты те, кто знает, на что идут. Иногда слушателей много, иногда — мало.

— **Кто они, ваши зрители?**
— Им за сорок. Когда я был моложе, и им было по двадцать. Хочу высказать комплимент россиянам: в

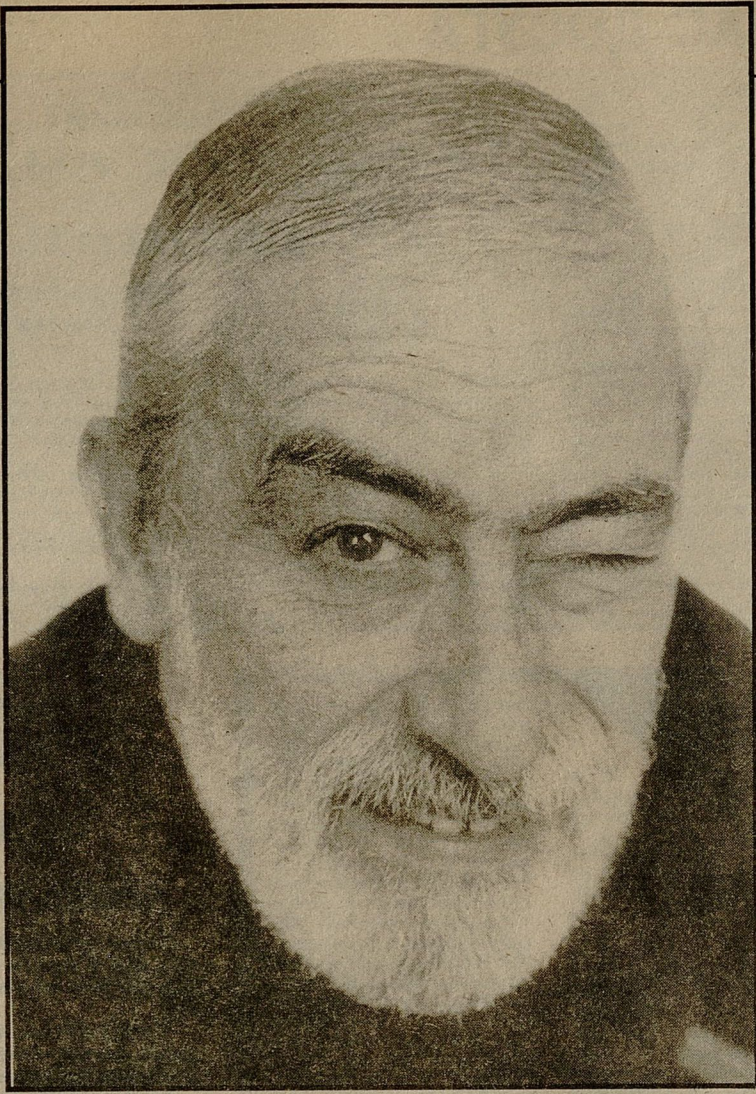

фото В. Иванова.

...До сих пор мне неудобно произносить слово «звезда» по отношению к самому себе. Вообще звездность — штука непрочная. Особенно сегодня...

России я особенно чувствую зрительскую любовь. А за границей работаю для русскоязычной публики. Недавно у нас с Нани Брегвадзе были грандиозные гастроли в Австралии. Нас слушали люди нашего поколения, из нашей страны. А уж о Штатах, Канаде, Израиле и говорить нечего. Мои зрители там в основном евреи русского происхождения. Или русские еврейского происхождения. Сейчас сказали бы «русские еврейской национальности». Так вот, эмигранты, пока обживались, не очень-то ходили на мои концерты. А сейчас их обудя ностальгия! Они готовы душу отдать артисту из «Советского Союза». Пообщаться после концерта, пригласить на обед.

— **Батоно Вахтанг, как актер вы стали популярным после фильма «Не горюй!». Как певец — очаровали публику в ансамбле «Орера». Но как все началось?**

— Не оканчивал никаких театральных институтов. Учился в Тбилисском ине. Меня оттуда выгнали за то, за что и взяли. Я пел... Инызу участники самодеятельности были нужны так же, как и спортсмены.

— **Языки-то успели выучить?**

— Не успел. Быстро осваивал. Но надо было бегать по репетициям. И в самодеятельности мединститута пел, и на других студенческих тузовках. Прихожу на занятия в родной институт, а одноклассники уж далеко-о-о ушли. Почувствовал неловкость. И ушел. Вернее, меня ушли. Формальный предлог — незачет по психологии. Пошел прослушиваться в филармонию. Там сказали: «Хрипит! Поет, как на Западе!» Все же знакомый администратор как-то ухитрился меня в эту филармонию взять. Вот так я и уехал в первый раз за пределы Грузии — в Ростов! Со ставкой профессионального певца — семь рублей.

Быстро понял, что надо не копировать, а петь свое. В то время это было непопулярно: аудитория требовала «запрещенной» западной музыки. Ничего, преодолел «предрассудки». Искал свое лет пятнадцать. Но до сих пор мне неудобно произносить слово «звезда» по отношению к самому себе. Вообще звездность — штука непрочная. Особенно сегодня, когда эстрадного артиста «делают» сильные продюсеры.

Артисты моего поколения ничего подобного не знали. Тот успех, что выпал на нашу долю, сейчас даже представить себе трудно. Появление

Аллы Пугачевой, Нани Брегвадзе, ансамбля «Орера» было подобно взрыву бомбы. Нас из зала выносили на руках и несли до гостиницы.

— **А Бубой вас не называют?**

— Нет, только знакомые... Да, знаете, а ведь мне, действительно, пришлось стать родственником одного моего почитателя. Дело было так: раздался звонок в дверь — я открыл. Незнакомый молодой человек говорит, что хочет преподнести моим детям шоколад. Я пригласил его в дом. Вижу, нервничает. «Ох, дядя Вахтанг, даже не знаю, как сказать... Я сам из деревни, в Тбилиси учусь, живу в общежитии. Влюбился. А родители девочки спросили, есть ли у меня в Тбилиси родственники. Я им почему-то сказал, что да, дядя — Вахтанг Кикабидзе. Так вот завтра нас приглашают на обед. Очень вас прошу!»

Преидиотская ситуация! Но как отказать? Сидит он передо мной такой несчастный: «Иначе ее за меня не отдадут».

«Ладно, — говорю, — пойдем!» За столом я рассказывал всякие истории о «племяннике»: какой он был шалун, как он с дерева упал, а я его спасал. Но при этом называл его то Джумбером, то Джемалом. Точно помню: имя на «Дж» начиналось. Вечер прошел приятно, весело. Они меня домой провожали... Больше я этого «Дж» не видел. А надо мной все издевались: «Ну что, не позвал племянника на свадьбу?»

— **А печальные моменты, связанные с популярностью, бываю?**

— Недавно работал — и отдыхал — в круизе по Средиземноморью. Там артист дает один вечер-встречу, а потом отдыхает. Меня пригласил человек грузинской национальности, который живет в Новороссийске. Очень известный капитан дальнего плавания Юрий Георгиевич Тохадзе. Теплоход назывался «Екатерина Вторая» — бывшая «Эстония». Приплыли мы в Неаполь. Неожиданно Юрий Георгиевич указал мне на какой-то очень красивый корабль, который стоял на приколе: «Самое лучшее судно Одесского морского пароходства — «Одесса». Девятиэтажный гигант! Корабль-пленик. Одесское-то пароходство обанкротилось, и в портах всего мира его суда арестовали. И вот более сорока дней этот корабль стоял в Неаполе. Юрий Георгиевич предложил мне съездить туда на катере. Не помню фамилии капитана «Одессы», а звали его Виктор Тихонович. На этом корабле-тюрьме он встретил нас по высшему разряду. В огромном пустом ресторане был накрыт шикарный стол. Белоснежные скатерти и салфетки, красивые официантки.

Самая
новая
песня
«гуляющего
мужика»
называется
«Пей
до дна!»

... У нас не было железных дверей. Моя мама, закрыв дверь, клала ключ под коврик... И все знали, кто что готовит. То время я вспоминаю, как большое счастье...

... В грузинских тостах говорится о любви и о добре — в наше время это особенно важно. Но не обольщайтесь, когда грузины за столом вас очень хвалят: это всего лишь закон тоста...

... В Грузии я бы сразу набрал голоса. Но, во-первых, это не мое дело. Во-вторых — дело грязное. Политики объединяются с друзьями, потом их сдают...

Команда великолепная! Капитан сказал, что немцы всю команду приглашают служить у них, но никто не хочет. А ведь корабль вот-вот продут с аукциона... Мне шепнули на ухо: чтобы сэкономить деньги для роскошного приема, люди на теплоходе сорок дней жили без кондиционеров. Слава Богу, незадолго до нашего визита итальянские власти разрешили экипажу сойти на берег.

— **Сколько песен в вашем репертуаре?**

— Очень много. Иногда слышу свою песню, но не помню, когда ее написал. И кто ее написал...

— **С кем из авторов сейчас работаете?**

— Да как-то, знаете, ни с кем. Им надо платить большие деньги — по три-четыре тысячи долларов композитору и поэту. К тому же — что сейчас пишут?! И я начал писать сам. Музыку и слова.

— **До этого не баловались стихами?**

— Нет. Но я не стал бы называть свои тексты стихами... Но все же это лучше, чем «Замуж не ходи, потому что у меня испортился магнитофон...» О чем мои новые песни? Тбилиси всегда был очень интернациональным городом, и сейчас таким остается. В детстве я жил в старом районе. И наш двор был прямо-таки ненормально интернациональным. У нас даже китаец жил — чистильщик в будочке. Жила французская семья, несколько испанских. Много греков. Ну а о русских, армянах, евреях, украинцах, азербайджанцах, молдаванах я уж и не говорю. Такой вот маленький мирок в большом дворе с винтовыми лестницами... В детстве я думал, что все мои соседи — грузины: они очень чисто говорили по-грузински.

У нас не было железных дверей. Моя мама, закрыв дверь, клала ключ под коврик... И все знали, кто что готовит. То время я вспоминаю, как большое счастье. Эти впечатления о маленьком мире моего двора я превратил в песню. В прошлом году я ее первый раз исполнил в Сибире.

— **А кто перевел слова на русский?**
— Да я по-русски написал! Припев такой:

Жили мы одной семьей, греки и украинцы,
Русские, испанцы, Виктор-армянин,

Итальянцы и азербайджанцы,
Турки и евреи, ну и я — грузин.

Когда понял, что эта песня — хит, засел за вторую. Долго думал, о чем писать. Выбрал застолье. На Кавказе это большое мероприятие. Сейчас нередко за стол садятся, чтобы напиться. А я в детстве за нашим столом пьяных не видел. В Грузии, кстати, никогда не было традиции «а ля фуршет» — за столом всегда сидели... Я сделал песню о человеке, который дирижирует праздником, ведет вечер. Если он бездарен — гости напиваются. Песня называется «Пей до дна!» — о тамаде. Тоже хит. Припев поет весь зал: «Пей до дна, пей до дна, если просит тамада!»

— **А вас часто выбирают тамадой? Или вы по природе «не соответствующий»?**

— К сожалению, соответствую. Хочешь не хочешь — надо пить. И потом, быть тамадой — тяжелая работа. Моноспектакль! В грузинских тостах говорится о любви и добре — в наше время это особенно важно. Но не обольщайтесь, когда грузины за столом вас очень хвалят: это всего

лишь закон тоста. К счастью, тот же закон требует и шуток.

— **Было так, что шутка спасала в трудных ситуациях?**

— Например, на шестидесятилетии Закавказского военного округа. Собрались военачальники из Армении, Грузии, Азербайджана, России, артистов было много. Но главные гости — конечно, Алиев, Демирчян, Шеварднадзе. После концерта выходят они из зала, и Алиев машет мне рукой: «Вахтанг!» Мне очень не хотелось подходить: кто они мне? Посторонние люди... Я и с Эдуардом Амвросиевичем не очень-то был знаком. Но Алиев знал меня по кинофестивалю в Баку, куда я ездил с фильмом «Мелодии Верийского квартала». Так вот, иду и думаю: «Что они мне собираются сказать?» Вдруг Алиев меня обнимает и спрашивает, показывая на Шеварднадзе: «Вахтанг, ты его знаешь?» — «Я его не знаю, но он меня знает». Маленькая пауза — и все рассмеялись. Я понял, что ответил правильно.

— **Вахтанг Константинович, видела в Грузии — мужчины в последние десятилетия предпочитают пить не вино, а водку и пиво?**

— Только те, кто часто бывает в России. Здесь ведь пьют так.

— **А вы?**

— Я тоже. Конечно, грех не пить грузинские сухие вина, но у меня повышенная кислотность.

— **Какие блюда вы любите?**

— Картошку. Жареную.

— **А что сами умеете готовить?**

— Умею жарить.

— **Картошку?**

— Все! И все жареное люблю. И часто сам готовлю любимые блюда. Конечно, дома в основном готовит жена. А я — когда устраиваю с ребятами мальчишники.

— **Ваше коронное блюдо?**

— Мясо жареное. Я мясоед. А еще я — рыбак. С детства. И готовлю много блюд из рыбы.

— **А чем еще заполняете свободное время?**

— Его не остается.

— **Ваша жена работает?**

— Нет, она балерина, а они рано выходят на пенсию.

— **А дети чем занимаются?**

— Дочка — драматическая актриса в Театре Руставели. Сын окончил эстрадное училище, поступил в Академию художеств. Но сейчас художники без работы сидят.

— **Вы снимаетесь?**

— Нет. То, что предлагают, мне не нравится — ни в Грузии, ни в России. Я сам начал писать сценарий три года назад, но тут всякие нехорошие политические события начались. А сценарий мой — о тбилисском духе, который исчезает. На съемки денег нет. Но я оптимист. По-моему, главное — помогать молодым людям, которые приходят в кино...

— **У вас не было желания заняться политикой?**

— В Грузии мне это было бы очень легко. Я бы сразу набрал голоса. Но, во-первых, это не мое дело. Во-вторых — дело грязное. Политики объединяются с друзьями, потом их сдают...

— **Если, Бог даст, вам удастся договориться о гастролях в Москве, новые песни войдут в концерты?**

— Конечно. И еще одна, над которой сейчас работаю: «Зючка-Зоя» — полууличная, прибалтневая. Когда мне было лет десять, я все время слышал это имя в нашем квартале. Все были в Зою влюблены. В лицо я ее не знал, но рассказывал всем, что познакомился с Зоей. Ну а сказать так о девочке значило на весь квартал объявить ее своей чувихой. Ребята мне не поверили. Тогда я сделал наколку на ноге: «З+В». Наколка до сих пор на мне. И до сих пор я не знаю, как выглядит Зоя. Вот об этом и песня.

— **Вы часто страдали из-за женщин?**

— Нет. Всегда придерживался правила: мужчина не должен компрометировать женщину. Но... я сторонник гуляющих мужиков.

— **Что вы имеете в виду?**

— Все. Мужик должен гулять. Но знать меру. Мне не нравится, когда он уходит от жены, от детей...

Беседу вела
Елена БЕЛОСТОЦКАЯ.

Жикабидзе

Вахтанг.

25.09.95